

СПОСОБЫ ГОВОРИТЬ О БИБИХИНЕ
(ПРОБЛЕМА РУБРИКАЦИИ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В
АКАДЕМИЧЕСКОЙ СРЕДЕ)

“Выход из метрического, мерного пространства в свободное незаметный, человек словно проваливается как Фалес в погреб, нечаянно, и сразу становится ненаблюдаемым, на этом основании невидимость и невидимки, и невидимка становится заметен: самое бросающееся в глаза это неведимка, вот уж кому не удастся остаться скромно незаметным”

(Владимир Бибихин, “Лес” (С.99))

Если исходить из герменевтической исследовательской установки, предписывающей, помимо прочего, разделять – при изучении того или иного автора, – насколько возможно приближенное к его собственным воззрениям отношение к миру, тогда творческое наследие Владимира Бибихина вряд ли может подлежать строгой систематизации¹. Бибихин часто – в различных формах – выступает против всё подминающим под себя целям планирования, распорядка, “расписания”, “метрики”: “Рано или поздно встречает другой пейзаж, сложный, но без метрики”². Поскольку систематизация всегда так или иначе следует определённой прагматике использования наследия в собственных целях, то по отношению именно к этого рода стратегиям “приручения” Бибихин разработал целый ряд намеренных уклонений и избеганий (можно было бы назвать их “стратегией молнии”), проистекающих из удержания “открытой

¹ В данном тексте мы не касаемся вопросов, связанных с поиском, расшифровкой, расположением и стратегиями публикаций оставшегося наследия Владимира Вениаминовича, всех тех вопросов, которые касаются непосредственной работы над личным архивом, которым занимается Ольга Лебедева. Сайтом Бибихина занимается Владимир Авдеенко. Непосредственное участие в работе над рукописями при подготовке их к печати принимали Ольга Седакова, Анатолий Ахутин, Александр Михайловский, Эльфир Сагетдинов, Вардан Айрапетян, Егор Овчаренко и др. Наблюдения Ольги Лебедевой и Владимира Авдеенко по поводу работы с творческим архивом Бибихина будут опубликованы в ближайшее время в восьмом номере теоретического альманаха “Res Cogitans”.

² Бибихин В.В. Дневники Льва Толстого. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2012, С.31.

внимательности”¹. Даже там, где читаемые им курсы подчинены какой-то извне навязанной логике (например, как курс “История современной философии” заведомо обрекает его читающего сосредотачиваться на персоналиях), мы не встречаем стандартно принятой (в целях удобства или же навязанных стандартом образования) внутренних систематизаций, вроде: биография, труды, основные идеи. Тем более это относится к его авторским курсам лекций – “Мир”, “Собственность”, “Энергия”, “Лес” и т.д. Поэтому, если имеется необходимость обращения к наследию Бибикина, и, при этом, не насильственная, но исходящая из сути дела (*die Sache*) систематизация невозможна, следует говорить о возможной *рубрикации* наследия, целью которой было бы картографирование имеющихся перед нами ландшафтов, по которым – до сих пор – каждый интересующийся уже проложил себе охотничьи тропы и лесные дороги (*Holzwege*). Если Бибихин отвергает “расписания” и планирование, то, при этом, по некоторым косвенным наблюдениям можно сделать вывод, что создание рубрикации – не такая уж формальная процедура в его переводческо-издательской деятельности². В данной статье нам хотелось бы лишь обратить внимание на некоторые формальные трудности, возникающие с попыткой создания подобной рубрикации – уже на уровне замысла – поставить вопросы, а не предлагать те или иные примеры рубрицирования.

¹ Молния как закон русской истории: “Правитель не скрывает, что взял власть. Для убедительности он делится своей молнией” (*Бибихин В.В. Закон русской истории // Бибихин В.В. Другое начало. – СПб.: Наука, 2003. С.34*). При этом: “Размаху Петра отвечает открытая внимательность Пушкина” (Там же. С.35). Одновременно – на этом же перекрестье: огонь Геркалита – и каменная задумчивость Розанова в курсе “Чтение философии”.

² В курсе “Лес” Бибихин делает такую отсылку: “То неудобство, что то, что наработано о точке в разных курсах, о *поре* и о Витгенштейне, не напечатано, будет скоро исправлено, поэтому я повторяться не буду, и желающие могут посмотреть о совпадении противоположностей, абсолютного минимума и абсолютного максимума в точке, по моему указателю к двухтомнику Николая Кузанского” (*Бибихин В.В. Лес. – СПб.: Наука, 2011. С.60-61*). Помимо того, что работа с предметным указателем, по сути – с детальной рубрикацией – не рассматривается им как проделанная впустую и сугубо формальная, можно – исходя из этого замечания – сделать ещё одно наблюдение: поскольку студентам на тот момент были недоступны изданный позже курс “Витгенштейн: смена аспекта” и до сих пор не изданный курс “Пора”, а работа была уже проделана, то каждый может начинать её делать – например, с Николая Кузанского. Всё выглядит так, что строгая мысль (Кузанского), если студенты дадут ей ход, сама приведёт к средоточию тем Витгенштейна и проблем времени.

На данный момент складывается довольно странная ситуация (свидетельства которой можно было обнаружить, анализируя материалы первой “бибахинской” конференции¹): если на сегодня для каждого исследователя сложился “свой Бибахин”, то, по меткому замечанию Олега Хархордина, напрямую вытекающему из понимания собственности самими Бибахиним, “задача заключается в том, чтобы сделать Бибахина самим собой, а нам стать самими собой, интерпретируя его” (цитируется живое выступление)².

Нечастая на данный момент практика обращения к работам Бибахина показывает пока правоту слов Хархордина о “своём Бибахине для каждого”, что поразительно напоминает до сих пор не устоявшееся в России отношение к философии Ницше и Хайдеггера: с ними также обращаются как с источником поиска каких угодно идей с целями обоснования каких угодно выводов. Дело не в том, чтобы зафиксировать и канонизировать имеющиеся идеи или положения (что в отношении Ницше, Хайдеггера, Бибахина, как и любых свободно мыслящих людей невозможно), но в том, чтобы понять, что источник многообразия выводов, следующих из работ философов – это сама проделываемая их мышлением работа, а не лишь её выводы (на что обращал внимание ещё Гегель³). Внешняя и принципиальная

¹ Международная конференция “Философское наследие В.В.Бибахина”, проведённая Европейским университетом в Санкт-Петербурге 16-17 мая 2013 г.

² Задача, поставленная Хархординым, со стороны выглядит синтезирующим слиянием двух основных установок, предполагающим, в свою очередь, исполнение множества других условий. Одним из таковых является предполагающее наличие у членов академического сообщества “желания стать самими собой”, желание измениться посредством достижения некоторых истин, в то время как на практике всё выглядит прямо противоположным образом. Впрочем, сам Хархордин об этом – как исследователь генеалогии российской личности – прекрасно знает. Кроме того, следует всё же предположить, что Бибахин уже “сделался самим собой” – без наших усилий. Если учесть эти два взаимоисключающих положения, то никакого синтеза – даже в мысленном эксперименте – случиться не может: учёные, уверенные в том, что уж кто-кто, а они стали самими собой (что фактически спорно, зато безапелляционно выражается на практике), с одной стороны, и обращение к наследию того, кто стал самим собой (что фактически бесспорно, но зато – из практики неадекватных обращений – постоянно ставится под сомнение) – между этими двумя сторонами вряд ли присутствует возможность предустановленной гармонии.

³ Ср.: “Ибо суть дела исчерпывается не своей *целью*, а своим *осуществлением*, и не *результат* есть *действительное* целое, а результат вместе со своим становлением; цель сама по себе есть безжизненное всеобщее, подобно тому как тенденция есть простое влечение, которое не претворилось ещё в действительность; а голый результат есть труп, оставивший позади себя

бессистемность мышления Бибихина отнюдь не является проявлением хаотичности его мышления; напротив, она может послужить серьёзным указанием на то, каким именно образом осуществляется строгая работа мысли, не стеснённая навязанными ей извне задачами сложиться в систему. Чем строже мысль, тем она свободнее – и поэтому, на взгляд стороннего наблюдателя, тем бессистемнее, хаотичнее, беспорядочнее (сторонний наблюдатель всегда применяет сторонние критерии). Но здесь скорее мы видим повод задуматься о том, что же лежит в основании всякого видимого и структурированного порядка, нежели о том, чтобы расценивать любую внешнюю несистемность мышления в качестве призыва к насильственному упорядочению посредством вмещения чуждых ей целей.

Ничего плохого, в том, чтобы у каждого был “свой Бибихин” в принципе нет, но в конечном итоге, велика опасность приписывания работам автора тех коннотаций и выводов, которых у него не встречается, эксплуатация наследия для пропаганды не относящихся к делу идей. В свободном брожении по наследию Бибихина сказывается на данный момент не столько особенность последнего, сколько специфический интерес тех, кто к этому наследию обращается. В этом случае неплохо бы иметь под рукой путеводитель, чтобы тот или иной молодой исследователь, познакомившись с одним из встреченных им “чудес” этой страны, мог составить себе представление и о других, а также о том, насколько все они взаимосвязаны. До сих пор отсутствует хоть какая принятая академическим сообществом стратегия выработки “способа говорить о Бибихине”. Данная статья ставит себе целью продолжить начатое обсуждение, которое, возможно, было одной из целей упоминавшейся выше конференции. Поэтому, особенно не располагая никакой предварительной разработкой, постараемся в общих чертах зафиксировать сами собой напрашивающиеся, уже имеющиеся и возможные практики обращения к наследию Бибихина, задающие возможные способы “говорить о нём”¹.

тенденцию” (Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. – СПб.: Наука, 1999. С.2. Пер. Г. Шпета, курсив – Гегеля).

¹ Мы не будем касаться вопросов оценки творчества Бибихина, личных характеристик его и связанных с ними вопросов (а также чрезвычайно важного вопроса о периодах развития его творчества). Поскольку таких работ, если не считать рецензий на отдельные книги (и эпитафий), чрезвычайно мало (и появились они в 2005 году, сразу же после его смерти), то можно указать основные из них: Михайловский А., Ахутин А., Хоружий С. Памяти Бибихина // Точки. 1-2 (2005). С.7-25; Михайловский А.В. Вольный ум. В.В.Бибихин //

Практика привычных для академического сообщества обращений

Переводы. Что касается привычного для академического взгляда способа работы, то здесь, безусловно, наследие Бибихина распределяется по его трудам довольно просто: наиболее строгие существующие критерии академических оценок могут быть с лёгкостью применены к его переводам (как философских, так и художественных авторов), включая (в первую очередь) вопросы об их спорности и уточнениях¹. Именно в подобного рода обращениях встречается наибольшее на данный момент число отсылок к наследию Бибихина: начиная с переводов, открывающих России Хайдеггера² – и вплоть до цитируемых самостоятельно (в контексте

Отечественные записки. 2004. 4 (19); *Хоружий С.С.* Входя в мир Бибихина // Историко-философский ежегодник. – М.: Наука, 2005. С.121-126; *Ахутин А.В.* Философ В.В.Бибихин // Там же. С.126-134; *Неретина С.С., Огурцов А.П.* Событие Бибихина // Бибихин В.В. Введение в философию права. – М.: ИФ РАН, 2005. С.331-342; *Неретина С.С.* Бибихин В.В. // Новая российская энциклопедия. Т. III (1). – М., 2007. С.180. Несмотря на то, что она посвящена отдельному курсу лекций Бибихина, нельзя не упомянуть и эту статью: *Седакова О.* Весть Льва Толстого // *Бибихин В.В.* Дневники Льва Толстого. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2012. С.5-20. Хочется думать, что ситуация изменится к лучшему после выхода сборника материалов первой “бибихинской” конференции.

¹ Обсуждение спорности переводов Бибихина, как кажется, связано не столько с самими переводами, сколько с тем, что Бибихин делает *помимо* переводов на их основе. Теперь уже нельзя ответить на вопрос: к примеру, критика перевода “Бытия и времени” развернулась бы таким же образом, если бы Бибихин не интерпретировал Хайдеггера в своих курсах, не выступал на почве “хайдеггерианства”? Российское академическое сообщество пока не выработало способов вести грамотные критические дискуссии, и поэтому напасть на “хайдеггерианца” “хайдеггерианцу” сложнее, чем, скажем, будучи “хайдеггерианцем”, критиковать переводчика. Частично данная гипотеза объясняется на практике – особых критических выпадов в отношении остальных переводов Бибихина не встречается – никто не нападает на русские варианты работ Николая Кузанского, Григория Паламы или Франческо Петрарки. С другой стороны, эти авторы не являются объектами столь пристальной приватизации новым поколением российских гуманитариев, как фигура Хайдеггера.

² Среди первых переводчиков начала 90-х, наряду с Владимиром Бибихиным, следует упомянуть Александра Михайлова, переводческий коллектив “Разговоров на просёлочной дороге” (1991): Татьяну Васильеву, Александра Доброхотова и других, однако количество претензий именно к Бибихину значительно

авторских курсов) фрагментов Аристотеля¹. И, если до сих пор встречается критика переводов, выполненных Бибихиным, то, при этом, нет пока ещё ни одной серьёзной статьи, посвящённой принципам его переводческой работы (несмотря на наличие значительных замечаний о задачах переводческой деятельности, разбросанных по разным курсам и книгам самим Бибихиным²).

Кроме того, следует учитывать ещё и один важный, но уже – вследствие времени – упускаемый из вида контекст ранних переводов: советский режим, при котором сам перевод выступал со стороны переводчика тем или иным способом заявить собственную позицию (и случай с выпуском перевода Григории Паламы под псевдонимом Вениминова – лишь один из ярких, но даже не столь показательных примеров³). Частично, собственное видение Бибихиным ситуации описано им в статье “Для служебного пользования” (в сборнике “Другое начало”). Здесь следовало бы учитывать – какие именно тексты переводились, где (и в каких

превосходит упоминания этих переводов (на втором месте, обсуждаемого в качестве “спорного” можно назвать Александра Михайлова).

¹ Здесь нельзя не упомянуть о статье-рецензии на “Внутреннюю форму слова”, написанную Алексеем Аполлоновым (Аполлонов А. Бибахин: как рубить языком сплеча? // Пушкин. 1. 2008. С.129-134). На С. 132 Аполлонов говорит: “Выбор Аристотеля на указанную роль более чем странен, поскольку, – по крайней мере, среди греков, – нет мыслителя более далёкого, нежели он, от «учения о языке» В.В. Бибахина. Отчего насилие над текстом Стагирита становится неизбежным” (и, соответственно, приводит примеры, возвращающие нас к четырёхтомнику Аристотеля в советском изводе). Тон всей статьи чрезвычайно напоминает ещё один, правда, немецкий текст более чем столетней давности, а именно – статью Виламовица фон Мёллендорфа, высмеивающую “Рождение трагедии” за ненаучность (Ср.: Мёллендорф В. фон. Филология будущего! / Ницше Ф. Рождение трагедии. – М.: Ad Marginem, 2001. С.242-278. Пер. А.В. Михайлова).

² Среди специальных текстов, посвящённых этой проблеме, см. целый ряд текстов в: Бибахин В.В. Слово и событие. Писатель и литература. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010, таких как “Джордж Стайнер. После Вавилона: аспекты языка и перевода” (С.125-132), “Опыт сравнения разных переводов одного текста” (С.132-140), “Подстановочный перевод” (С.140-159), “К проблеме определения сущности перевода” (С.159-169), “К переводу классических текстов” (С.169-175), “К переводу «Метафизики» Аристотеля” (С.175-185).

³ К примеру, публикация в сборнике “Борьба идей в эстетике” с характерным подзаголовком: “Марксистско-ленинская критика реакционных эстетических учений” сразу двух переводов: Э. Прахта “Миф реальность и современный ревизионизм” (Борьба идей в эстетике. Марксистско-ленинская критика реакционных эстетических учений. – М.: Искусство, 1974. С.59-102) и В. Шредера “Антропологизация эстетики. Фантазия и “новая чувственность” в эстетических позициях “Курсбуха” (Там же. С.194-245). Это замечание призвано обратить наше внимание = при работе с текстами Бибахина – на тот контекст, который, если и не был определяющим в данном случае, то уж точно не мог быть игнорируемым.

Способы говорить о Бибихине (проблемы рубрикации творческого наследия...)

редакциях) они публиковались. Ведь взяться за тот или иной перевод в тех условиях могло значить как демонстрацию лояльности по отношению к режиму, так и смелость в заявлении собственной позиции – и не только политической, но и сугубо творческой¹.

Опубликованные и подготовленные к печати работы. И, если с переводами, в силу вынужденного обращения к текстам (в целях цитирования) учёные имеют дело постоянно (и их может раздражать, что переводчик – не “просто переводчик”², но претендует на вмешательство в их “собственную” область), то уже обращение к авторским работам самого Бибихина намного реже, зато и более благожелательно (и, при этом, как мы отмечали в самом начале – совершенно стихийно). Здесь уже начинает вырабатываться “собственный Бибихин” каждым. В случае

¹ Особого упоминания и исследования заслуживает также эпоха конца 80-х – начала 90-х гг. XX века, в которой сошлись воедино многие удачные факторы – как возможности (пуб)личного выступления Бибихина перед аудиторией, так и заинтересованность университета (по приглашению Вяч. Вс. Иванова, – которое сегодня, в эпоху балльно-рейтинговых систем и электронных пропусков, себе представить уже сложно), когда, в курсе “Собственность” он сам описывает ситуацию так: “Мы, здесь, в аудитории, которая нами занята уже не по расписанию, а просто потому, что оказалась свободна, находимся по способу захвата и захваченности, потому что я говорю, в настоящей ситуации имею право говорить, уже только на свой риск и только от себя, уже не от имени кафедры, которая просит себе аудитории для своих курсов, а от моего собственного имени. С другой стороны, времени у студентов тоже нет, оно разобрано утверждёнными, давно отстоявшимися, входящими в учебный план предметами, среди них темы *собственности* и *первой философии* нет. Я захватываю место и время, требую от них раздвинуться, впустить мою тему, “выкладываемое” мною. Этот мой захват происходит в пространстве, которое и так давно уже захвачено и перезахвачено, в видимой или чаще невидимой войне... которая ведётся всегда” (*Бибихин В.В. Собственность. Философия своего.* – СПб.: Наука, 2012. С.24). В том же курсе, на С.269, Бибихин упоминает о том, что его пригласил “сюда” профессор Доброхотов.

² Исследователь переводческой культуры современной России, автор книги, представляющей собой интервью с 88 переводчиками (среди которых – творческие собеседники Бибихина Ольга Седакова и Сергей Хоружий), Елена Калашникова так характеризует сложившуюся ситуацию: “Недостаточно разработан в отечественной гуманитарной мысли культурный феномен и социальная роль переводчика... Несмотря на то, что в современной России многие владеют иностранными языками, зарубежная книга или писатель неизвестны здесь до тех пор, пока не переведены на русский язык” (*Калашникова Е. Порусски с любовью: Беседы с переводчиками.* – М.: Новое литературное обозрение, 2008, С.5). В этой ситуации – целый клубок проблем, одна из которых (лежащая на поверхности) – о прагматике преподавания иностранных языков в советской и современной России, которая помогла бы увидеть вопрос в высказывании о “владении иностранными языками” в нашей стране – для чего владеют, как владеют, насколько владеют.

переводов – каждый вырабатывает “своего Хайдеггера”, зачастую просто игнорируя факт авторского воссоздания его Бибихиным – связано это, как кажется, с тем, что повальное число профессоров и доцентов, пишущих работы о Хайдеггере, просто не могут самостоятельно ознакомиться с его сочинениями в оригинале; но лишь в этом случае они бы могли не только понять особенность работы Бибихина, но, что важнее – оценить сложность этой работы¹. Даже публикация на русском языке отдельных параграфов “Бытия и времени” в переводе Александра Михайлова позволяет русскому читателю понять особенность мысли Бибихина².

По привычности обращения к непереводаческим работам Бибихина академическому сообществу легче иметь дело с написанными и подготовленными к печати самим автором

¹ Большая часть переводчиков Хайдеггера на русский так или иначе соотносятся с переводами Бибихина. Евгений Борисов приводит в конце своего перевода “Пролегоменов” словарь соотнесения собственных вариантов немецких понятий с бибихинскими (Борисов Е. От переводчика / Хайдеггер М. Пролегомены к истории понятия времени. – Томск: Водолей, 1998, С.343). Александр Шурбелёв, взявшись за продолжение перевода, начатого Бибихиным, продолжает стратегию терминологического выбора последнего, тщательно обосновывая возникающие новые проблемы (Шурбелёв А. Послесловие переводчика / Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир – Конечность – Одиночество. – СПб.: Владимир Даль, 2013, С.564-591). Ольга Гучинская (“Введение в метафизику”) и Олег Коваль (“Положение об основании”) просто составили словарь собственных вариантов основных понятий, не соотнося его с переводами Бибихина (что можно объяснить почти одновременным выходом всех этих переводов – 1997-99 гг. соответственно). Из недавно изданных переводов: редактор перевода Татьяна Щитцова следует такой стратегии: “При переводе некоторых ключевых понятий мы использовали варианты, уже введённые в оборот другими переводчиками Хайдеггера. Так, различие определений *existenzial* и *existenziell* (коррелирующее, как известно, у Хайдеггера с различием онтологического и онтического уровней анализа) вслед за Бибихиным передаётся соответственно как экзистенциальный и экзистентный. Что касается понятия *Dasein*, то в большинстве случаев оно оставлено без перевода. Там же, где тем или иным образом обсуждается морфологическая структура этого понятия, в тексте используется перевод *вот-бытие*, предложенный Евгением Борисовым” (Щитцова Т. От редактора русского перевода / Хайдеггер М. Цолликоновские семинары. – Вильнюс: ЕГУ, 2012, С.390). Формирование традиции русских переводов Хайдеггера заслуживают особого упоминания, но, можно сказать, что с Бибихиным здесь дела обстоят намного более определённым образом, нежели в отношении его непереводаческих работ.

² Уже в 2007-ом году был фактически готов второй перевод на русский язык полного текста “Бытия и времени” в исполнении Евгения Борисова, издание которого – в силу разного рода причин – к сожалению не осуществилось. Наличие второго полного текста “Бытия и времени” на русском языке значительно облегчило бы задачу по осмыслению как особенности Бибихина, так и развеяло бы иллюзию наличия “просто Хайдеггера”.

Способы говорить о Бибихине (проблемы рубрикации творческого наследия...)

статьями – здесь Бибихин выступает для научного сообщества в качестве *par in parem*, причём его наследие в данном отношении зачастую ускользает из вида, хотя представляет собой значительный массив выполненного труда. Трудность заметить его состоит в том, что статьи либо сопровождают переводы¹, либо – будучи напечатанными отдельно – посвящены таким темам и столь “академично” исполнены, что могут восприниматься учёными в качестве анонимных энциклопедических заметок. При этом, хочется отметить, что строгость работы мысли здесь “та же самая”, что и в авторских лекционных курсах – а потому данный пласт наследия требует особого и самостоятельного исследования.

Далее, могли бы быть “привычными” обращения к тем темам, которыми официально занято академическое сообщество – и которые разрабатывались Бибихиным в напечатанных им же работах. Примером подобных традиционных обращений может послужить тема Возрождения (у Бибихина – в “Новом Ренессансе”), проговариваемая из года в год каждым студентом гуманитарных специальностей, а потому служащая предметом размышлений и наблюдений также и для их преподавателей. Но уже куда сложнее обстоит дело с вроде бы “академически” заявленными темами, но разработанными вне любых привычных рамок. Примером последних может послужить лекционный курс 2001-2002 гг. “Введение в философию права”. Если в самом начале курса мы встречаем привычные и ожидаемые для данного курса понятия (право, порядок, мораль, государство, семья, церковь, власть), то, наряду с ними, вкрадываются уже и странные особенности: не “государство и семья”, но: “государство-семья”, а кроме того – ревизор, фасад, изнанка, оправданность жизни. А далее так вообще следуют довольно вольные (на академически поставленный взгляд как юриста, так и философа) исторические разыскания с параллельным чтением заметок де Кюстина и первоначальных грамот ещё околдовизантийской Руси. Что делать преподавателю с этой книгой? Повторить не удастся – чего не позволит и жёсткая стандартизированная программа по учебной дисциплине, и сама привычная для большинства преподавателей манера чтения лекций. Заявить авторский курс – и пересказывать на нём Бибихина, вряд ли является возможным (и честным) выходом. Поэтому остаётся выхватывать из текстов Бибихина те или иные

¹ См., напр.: *Бибихин В.В.* Краткие сведения о житии и мысли св. Григория Паламы // *Святой Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих.* – СПб.: Наука, 2004. С.388-427. Пер. *В.В.Бибихина.*

меткие наблюдения, смысловые ходы – и всё это помещать в контекст стандартных и ожидаемых академических лекций (следуя нашим личным наблюдениям, такова практика наиболее частого упоминания имени Бибихина в российских вузах на данный момент).

Лекционные курсы. И, если с переводами, а также традиционными темами ещё как-то можно обойтись в академической работе, то несравненно большие трудности для подобного обращения вызывают авторские курсы, которые все, с одной стороны, берут так или иначе знакомые (в общем и целом) понятия уже в своих названиях, но, при этом, раскрывают их совершенно “неиспользуемым” подручными и наличными в сегодняшней университетской среде, способами. В принципе, пример с “Введением в философию права” здесь уже послужил хорошей иллюстрацией, но можно взять и другие работы. Между освоенными филологией темами располагаются курсы “Грамматика поэзии” (конец 90-х) и “Дневники Льва Толстого” (2000-2001). На поверку первый оказывается семестровым прочтением одного стихотворения Ольги Седаковой, а второй никак не подпадает под традиционную филологическую задачу помещения исследования дневников Льва Толстого в контекст исследования его художественного творчества, или настроений интеллигенции переломного времени рубежа XIX-XX вв. Филологи скажут, что это – философия¹, философы не распознают уже в названии собственных предметов. Перед нами то, что называется “междисциплинарностью”, но и та особого рода. Если принятый “междисциплинарный подход” предполагает взаимодействие дисциплин, строго признающих и удерживающих свои предметные

¹ См. один из примеров подобного непонимания: *Нарумов Б.* “Язык” лингвистики и “язык” философии. *Contra Бибихин // Логос.* 1. 1999. С.216-221. Автор, подобно упомянутому выше отзыву Аполлонова (там философ говорит о “Внутренней форме слова”, здесь же лингвист ведёт речь о “Языке философии”) предписывает Бибихину создание некоей “иррационально-естественной концепции языка”. Любопытно отметить следующее: “Бибихин известен как переводчик трудов Хайдеггера, и его собственная языковая концепция следует идеям знаменитого немецкого философа, пересказывать которые здесь нет никакой надобности: в книге Бибихина они представлены со всей полнотой и изложены ярко и образно”. Кажется, что нападение на Бибихина всё же менее безопасная вещь, чем нападение на Хайдеггера – ведь “бибихинцами” себя никто не признаёт, а вот “хайдеггерианцев” уже достаточно. При этом, дальнейшая критика автором Бибихина носит характер двусмысленности: то ли критикуется автор Бибихин и его концепция языка, то ли – идеи знаменитого немецкого философа, изложенные “ярко и образно”.

Способы говорить о Бибикине (проблемы рубрикации творческого наследия...)

границы, – и лишь на этом основании вступающих в диалог друг с другом, то Бибикин действует так, будто никаких предметных границ пока ещё не установлено, что всё ещё только может быть сложится, а может и нет – но работать следует уже теперь и здесь. Можно сказать так, что облики возможных дисциплин появляются в работе его мысли по ходу её разворачивания – но они лишь отсветы, тени рассматриваемого предмета. Сам же предмет слишком горяч, чтобы его могла себе присвоить хоть одна из осознавших свои границы (застывших) дисциплин.

Но даже и в курсах, предмет которых достаточно определён в рамках одной из существующих академических дисциплин (чаще всего в философии, хотя есть и кажущийся филологическим курс 1989 г. – “Внутренняя форма слова”), подаётся этот предмет таким образом и в таких всегда неожиданных контекстах, что никакой возможности его “схватить” нет. Когда, например, в курсе “Витгенштейн: смена аспекта”, философы привыкли говорить об “основных идеях” Витгенштейна, где же им найти место для изложения теории цвета (а не отдельного упоминания о таковой в качестве “примера”)? Или, в “Энергии” – что делать философам: рассуждать об учении Паламы или следить за рейтингом акций нефтяных корпораций на мировой фондовой бирже? Бибикин как бы “по ходу дела” занят и тем, и другим, не ставя себе ни то, ни другое конечной целью рассмотрения. Поэтому, на данный момент времени, кто-то выбирает наиболее “похожее” на плановую академическую тему рассуждение Бибикина – и цитирует его, заботливо помещая в ожидаемый стандартный контекст.

Заметки и дневники. Помимо переводов, написанных работ и прочитанных лекционных курсов, имеются ещё различные записи и дневники Бибикина. Но, поскольку они на данный момент не опубликованы (за исключением некоторых заметок в качестве дополнения к курсу “Узнай себя”¹), как, впрочем, и некоторые лекционные курсы, то поэтому и нет смысла говорить об их возможной цитации и освоении научным сообществом. Можно лишь предположить, что они послужат хорошим подспорьем тем серьёзным исследователям Бибикина, которые всё равно не смогут не появиться в нашем и зарубежном научном мире.

Формулировка основных трудностей для обращения к наследию

¹ Опубликованные им самим и озаглавленные как “Из записей на тему самопознания”: *Бибикин В.В. Узнай себя.* – СПб.: Наука, 1998. С.226-575.

Уже сказанного вполне достаточно, чтобы сформулировать основные проблемы, а точнее – дилеммы (или даже: апории), которые возникают – на данный момент – с обращением к творческому наследию Владимира Библихина. Если изложить их в сжатой формулировке, то получится следующий перечень из четырёх положений:

1. В своей переводческой деятельности Библихин действует не “просто как переводчик”¹, но как оригинальный мыслитель, задавая задавая герменевтическую задачу: понять перевод можно лишь исходя из собственных ходов мысли Библихина, изложенных в его непереводческих работах. Учёному, который желает “просто” цитировать Хайдеггера, но, при этом, не желает вникать в “философию Библихина”, приходится сталкиваться с дополнительными задачами по интерпретации, которую он чаще всего проводит произвольным образом;

2. Библихин ставит под сомнение устоявшиеся предметные области различных гуманитарных (а в курсах “Лес” и “Энергия” – также и биологических, и физических) дисциплин, границы между ними. Делает он это, однако, не с кантовскими целями (поставить под сомнение, критически очистить, чтобы ещё прочнее установить), но будто бы проводя установку, согласно которой из предмета мысли разворачивается наука. При этом, на данный момент времени, устоялось совершенно противоположное положение: из наличия той или иной науки (академические традиции и ритуалы, институции и инфраструктуры) следует перечень её необходимых предметов. Учёные, чаще всего

¹ Понятное дело, никаких “просто переводчиков” не бывает. Этому посвящена (переведённая) книга Умберто Эко, наиболее популярно излагающего невозможность “простого перевода” (см.: Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. – СПб.: Симпозиум, 2006). Эффект существования “простого переводчика” возникает, как думается, при выполнении двух условий. Первое из них: переводчик не должен писать как переводимый им автор (но может писать о переводимом им авторе). Нарушение этого условия мы наблюдаем в случае поэтических переводов самими поэтами – типичной ситуации для России. Второе условие: перевод должен быть выполнен в устремлении к максимально возможной “закрытости” текста. Пояснить это условие – в пределах сноски – достаточно сложно, но можно указать на создание такого эффекта у возможного читателя переводного текста, согласно которому текст предстанет “таким – и всё тут”. Чтобы текст стал “легко используемым” для решения собственных вопросов, требуется, чтобы он как можно меньше создавал трудностей сам. По этому поводу Библихин часто приводил такие примеры работы по “улучшению”, проводимые советскими редакторами, которые производили эффект “легкой используемости” работ Аристотеля (избегали тавтологии, вставляли синонимы и т.д.).

Способы говорить о Бибихине (проблемы рубрикации творческого наследия...)

подготовленные к тому, чтобы, имея предмет, начинать его “исследовать”, оказываются безоружными перед гипотезой о том, что сам ход исследования, его строгость впервые только и “разворачивают” предмет;

3. Особую сложность представляет собой стиль изложения (и мышления) Бибихина – начиная с его авторской пунктуации (в которой печатаются работы) – и вплоть до порядка составления слов. Этот способ изъясняться чужд наукообразному и тяжеловесному, исполненному абстракций языку, усреднённо устоявшемуся в гуманитарных науках. На первый взгляд язык Бибихина кажется, с одной стороны, избыточным – до тавтологичности – своими кружениями, и, одновременно с тем, с другой стороны – исполненным недомолвок, отсутствием традиционных “паразитических” связок, имитирующих логическую связность хода мысли, вроде: “таким образом”, “на самом деле”, “из этого следует, что” и т.д. Неподготовленный взгляд спотыкается об эту манеру изложения и стремится поскорее перевести её на “нормальный” язык. При этом предполагается, что у Бибихина имеется некое “содержание”, которое можно “изложить” иначе – и, в общем-то, проблема напоминает старые попытки перевести диалоги Платона в форму трактата¹. При этом, следуя пониманию языка Бибихина (в двух значениях этого родительного падежа), можно сказать так: в текстах Бибихина нет никакого “содержания”, которое можно было бы “передать другими словами” и которое избавило бы от досадного “бибихинского стиля” нежный взгляд гуманитариев. Способ изложения мысли – и есть её трансляция в речи и, соответственно, на письме;

¹ См. по этому поводу: *Маяцкий М.* Заметки о философском и словесном у Платона // Платоновский сборник. Т. I. – М.-СПб.: РГГУ-РХГА, 2013. С.92-103. Несмотря на то, что Михаил Маяцкий рассматривает проблему на примере Платона, сам способ её постановки заставляет задаться более принципиальными вопросами, касающимися способов имени дела в том числе и с наследием Бибихина: “Что же есть словесность для философа? Инструментарий? Неистребимый и неразстворимый в философии остаток, не покоряющийся никаким попыткам его обойти или без него обойтись? Или негативный носитель «непереводимости» - не с другого языка, а с языка «самой мысли»? Литературная сторона платоновских диалогов вызывала похвалу и восхищение взыскательных читателей, но философами долгое время расценивалась как изъясн, препятствие для адекватного понимания мысли, или же как свидетельство несовершенства, незрелости этой мысли – только в ней не была усмотрена причина долголетия и дальнего действия платоновского философствования” (Там же. С.98-99). Перенося эти вопросы в наш контекст, можно смело сказать, что занятие Бибихиным требует от современного философа, погружённого в ритуализированную рутину академических привычек, добровольно перестать быть философом.

4. Кроме того, в этом смысле Библихин действует так, будто нет ни традиций, ни ритуалов самоутверждения науки, ни институции её, ни инфраструктуры. Поскольку же они наличествуют, то в этой его установке сказывается выявление условности всех этих вещей, будто они “подвешены в пустоте” (как и все “расписания”). В этой связи, даже “академическое” занятие Библихиным (ежели кто умудрится внедрить таковое) будет носить характер бунтарский, анархический – по отношению к господствующему на данный момент порядку¹, включая его мотивирующее и будящее заявление о том, что философия должна вернуться на свалку, где ей самое место,² – которое многие учёные иначе, чем провокацией в дурном смысле слова и не назовут.

Все эти апории – так или иначе – призывают к пересмотру теми, кто решается иметь дело с Библихиным, говорить о нём, своего

¹ Последнее положение представляет собой лишь временную трудность, поскольку одним из питающих университетскую активность мотивов является как раз приручающее освоение “бунтарских” мыслителей: начиная с Ницше, проходя через Хайдеггера и Деррида. В российской философии был “освоен” Соловьёв и отчасти – Розанов. В этом смысле ироничными и, одновременно, показательными являются защиты кандидатских и докторских диссертаций по теме “философии Деррида” в рамках специальности “история философии” – как раз тогда, когда сам Деррида отрицал существование самой возможности подобной “специальности”. В академической среде в этом смысле формируются навыки выборочных глухоты и слепоты. Метафорически говоря, ситуация выглядит так, будто люди с психическими заболеваниями захватили власть в специализированном медицинском учреждении – и решили освоить специальные медицинские труды, обнаруженные в тамошней библиотеке. Они читают всё, сначала намеренно выпуская из вида упоминания о собственной невменяемости. Впоследствии традиция подобного чтения опустит навык такого выпуска из вида на уровень бессознательного и самоочевидного условия любого возможного чтения.

² Или, например, такое рассуждение о нищете философии: “Самое плохое делают с философией, когда с ней что-то делают, берут и применяют, извлекают выводы. Надо запомнить, что философия не такая вещь, чтобы ею можно было что-то делать. Зачем же она тогда нужна? Не надо хитрить и лавировать: в ответ на этот вопрос надо иметь смелость сказать, что она *не нужна*. Тогда на неё перестанут ассигновать деньги те инстанции, которые имеют каким-то образом деньги и умеют их распределять” (Библихин В.В. Чтение философии. – СПб.: Наука, 2009. С.58, *курсив* Библихина). Через несколько страниц следует положение “великой правды”, которое вряд ли с лёгкостью примут педагогически-научные кадры России (как “философы”, так и не-философы): “*нищета философии* вещь не безобидная” (Там же. С.63, *курсив* Библихина). О свалке см., напр.: “наша современность, когда захват идёт так широко, что захватывается и перезахватывается и так называемое «наследие», культурное, философское, научит другом, отправит на свалку «философию», которая пошла в прошлое искать оскорблённому сердцу уголок, академическую нишу, сказав, что захват дело приватизаторов, а её, философию, интересуют вечные ценности” (Библихин В.В. Собственность. Философия своего. – СПб.: Наука, 2012. С.24-25).

Способы говорить о Бибихине (проблемы рубрикации творческого наследия...)

собственного положения, постановке под вопрос условий собственного высказывания.

Когда академическое сообщество сталкивается с определёнными трудностями, оно тут же вырабатывает способы их обойти. Одним из таких способов является рассмотрение творчества Бибихина как “хайдеггерианца”.

Сведение личности Бибихина к “хайдеггерианству”

В упомянутой выше статье Бориса Нарумова сказывается общая установка, которая до сих пор ещё довлеет над знанием о Бибихине: “Бибихин известен как переводчик трудов Хайдеггера”. Чаще всего – на уровне провинциального и удобного восприятия – дело дальше этой “известности” не идёт. Здесь хочется обратить внимание на намеренность в подобном упоминании Бибихина – как “хайдеггерианца”.

Общепризнано, что Хайдеггер – непростой, а то и “тёмный” философ – как на уровне языка, так и на уровне биографии. Не упрощает его восприятие и объявленный им самим “поворот” в мышлении, а также намеренное избегание публичности – особенно в послевоенное время. В общем, причин назвать кого-то непонятным всегда больше, чем причин исследовать его – и назвать как-то иначе. Здесь срабатывает своеобразный механизм “экономии мышления”, зачастую являющийся лишь прикрытием интеллектуальной лени или нечистоплотности.

Не зная, как иметь дело с Бибихиным, можно объявить его “хайдеггерианцем” – и тогда все трудности, связанные с первым, автоматически можно будет свести ко второму. В конечном итоге ситуация доходит до того, чтобы растворить особость и строгость мысли Бибихина в количественно набравшем силу российском “хайдеггерианстве”, а последнее, как известно, за редкими исключениями, представляет собой ту самую “мутную воду”, в которой ловится всё, что угодно¹. Исключения здесь составляют как

¹ Курьёзным случаем, который не хотелось бы даже упоминать здесь, является “проект Александра Дугина”, который на уровне массового сознания пытался заняться приватизацией уже так или иначе, но стихийно народившейся массы “хайдеггерианцев”, предлагая совершенно банальное и неадекватное истолкование Хайдеггера. При этом, понятное дело, сама идея такого проекта возможна лишь там, где исполнено два условия (характеризующих российское “хайдеггерианство” в его массовом изводе): необходимо, чтобы люди знали – “кто такой Хайдеггер”, а именно – что это “великий мыслитель”, но, во-вторых, не представляли себе о нём ничего предметного. “Проект Дугина” может быть

раз те, кто напрямую – так или иначе, – связан с немецкими текстами Хайдеггера, а также занимает ту или иную позицию в общеевропейском контексте исследователей Хайдеггера. Остальные ищут в творчестве Хайдеггера спасения от такого же “мутного” потока российских “аналитиков” и “социальных философов”. Для них Хайдеггер (как и Ницше) – повод заявить о себе.

Чтобы справиться с тем вызовом, который Бибахин бросает собой академическому сообществу, можно свести его особость к особости Хайдеггера. Ещё отдельного исследования заслуживает (в рамках прикладного развлечения) тот вопрос, сколько характерных особенностей мысли Бибахина были автоматически приписаны множеством российских гуманитариев Хайдеггеру. Из практики подобного вменения следует два вывода.

Во-первых, редкое количество обращений к текстам и мышлению Бибахина может быть объяснено тем, что многие воспринимают их как тексты и мышление Хайдеггера, и, обходя “просто переводчика”, вчитывают и вписывают в своих многочисленных публикациях бибахинское в хайдеггеровское. Статей, посвящённых Хайдеггеру не в разы больше, чем статей хотя бы упоминающих Бибахина – даже там, где цитируются в основном переводы последнего.

Во-вторых, само подобное вменение заставляет исследователей Хайдеггера искать (и, понятное дело, “находить”) у Хайдеггера то, что принадлежит исключительно Бибахину. Впрочем, такому положению дел способствует сам Бибахин – кажется, ему присуща стратегия “только лишь комментатора”, не претендующего на говорение “своего”. Отсюда часто, рефреном, повторяется его удивление – “откуда мне взять своё?” или: “я перед вами нахожусь с голыми руками, у меня ничего нет”¹. У Бибахина эти признания –

рассмотрен как особый способ намеренной консервации такого положения дел. Стоит ли говорить о том, что, по мнению Дугина, “долгое время им [Хайдеггером] занимались какие-то случайные люди, один из них был сумасшедший покойный Бибахин. Если люди не могут толком перевести Генона, который сложен, но прост, то Хайдеггер, который сложен и сложен, конечно, остался недосыгаем. Поэтому его можно кое-как читать по-французски, кое-как – по-английски, но уж по-русски я просто не говорю. Если вы что-то читали или слышали о нём, всё, забудьте, это чушь собачья” (расшифровка из лекции “Мартин Хайдеггер. Месть бытия”).

¹ Ср., напр.: “Что со мной происходит? За что я ни возьмусь – я отдёргиваю руки хуже, чем от горячего: как от заразного. Ни к одному «понятию» притронуться без оговорок нельзя, всё требует прояснения. Как же буду прояснять далёкие «древние» вещи я, находящийся в непрояснённом положении, даже здесь сейчас говорящий на птичьих правах, дожидаясь, когда его попросят с кафедры и с

Способы говорить о Бибихине (проблемы рубрикации творческого наследия...)

не кокетство, но особого рода установка на работу мысли, распознать которую можно без труда при должном внимании. Но куда проще расценивать отказ от выступления с позиции знающего профессионала теми, кто привык к различного рода самопозиционированиям и самопрезентациям (навязываемым “*практикой портфолио*”), в качестве действительного расписывания в собственной слабости, что, думается, демонстрирует всё же чрезвычайно наивный подход к делу.

Сейчас, после публикации значительного количества авторских курсов и книг Бибихина, кажется, что проблема сведения личности Бибихина к “хайдеггерианству” исчерпана. Но, интеллектуальная привычка такового рассмотрения Бибихина, которая сформировалась у обращающихся к наследию Хайдеггера, не так-то просто может быть отменена. Темы, не вписывающиеся в философию Хайдеггера и даже не могущие быть ей насильно вменёнными, могут вполне рассматриваться как маргинальные увлечения “хайдеггерианца”, не представляющие для академического сообщества значительного интереса. Но даже обратная стратегия – обращение исключительно к “внехайдеггеровским” темам Бибихина именно для выявления его личности, – как раз закрепит и даже зацементирует творчество Бибихина как “в остальном хайдеггерианца”.

Чтобы справиться с этими трудностями, следовало бы поднять значительную тему – того самого сообщества, к которому принадлежал Бибихин, включая как реальные, так и виртуальные его измерения.

Сообщество Бибихина: способ обращения к другим

Не обладая достаточными знаниями в области личного общения Бибихина со своими современниками, мы можем говорить лишь о тех зафиксированных и широко известных дружеских

философского факультета как не встроившегося в систему подготовки профессиональных философов? И всё-таки я снова удержусь от панического принятия мер и от подстраивания к тому или другому надёжному потоку. Я сделаю совсем другое. Раз подо мной так ходит земля, я рискну на признание своей необеспеченности и шагну даже не как в болото, из которого себя вытаскивал за волосы барон Мюнхгаузен, а как в омут очертя голову” (*Бибихин В.В. Собственность. Философия своего. С.15*). И тут же, ниже: “...я стою с пустыми руками и говорю...”.

Судьба творческого наследия

творческих связях и влияниях, которым он подвергался и которые он оказывал¹. Более или менее известен круг друзей Бибихина, которые продолжают свою творческую деятельность и сегодня – это Ольга Седакова, Сергей Хоружий, Анатолий Ахутин и др. Но не об этой биографической составляющей нам сейчас хотелось бы говорить (которая, как известно, всегда несёт на себе отпечаток личных предпочтений самого исследователя, его пристрастий и недомолвок). По-прежнему, как и во всём данном тексте, речь идёт о творческом наследии Бибихина, и поэтому тема сообщества, которую следовало бы поднять в связи с вопросом о “хайдеггеризме”, касается – в первую очередь – способа обращения Бибихина к тем или иным персоналиям в своих работах, манере вступления с ними в диалог. В этом смысле меньшего интереса заслуживают статьи, специально посвящённые тем или иным личностям – о Ницше² или об Арто³, о Паламе или о Петрарке. Наоборот, как раз там, где речь идёт о каком-то предмете (энергии, собственности, материи, языке) – тут и там, порой совершенно неожиданно, упоминаются те или иные философы, писатели, поэты или просто знакомые люди (чаще всего – дети, они для Бибихина – мыслители, значительно превосходящие по глубине “профессиональных философов”).

Хотелось бы отметить одну характерную особенность обращения к другим мыслителям, выделяющую Бибихина в этом аспекте. Обычно, если только автор не пишет специального исследования о том или ином философе, он упоминает его для закрепления своей позиции – либо цитируя его в качестве “подтверждающего” собственную точку зрения, либо – как “несогласного” с ней же (в последнем случае цитирование, опять же, укрепляет позицию автора методом “от противного”). В любом случае, такое цитирование оказывает *усиливающее* правоту

¹ Опыт некоторых таких общений был зафиксирован им самим (этот вопрос, возможно, прояснится после опубликования дневников), например в книге: *Бибихин В.В.* Алексей Фёдорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2004.

² См., напр., сразу две статьи о Ницше под одной обложкой: *Бибихин В.В.* На подступах к Ницше // Ницше и современная западная мысль. Сб.статей. – СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний Сад, 2003. С.290-329; *Бибихин В.В.* Ницше в поле европейской мысли // Там же. С.330-345.

³ *Бибихин В.В.* Поэт театральных возможностей // *Res Cogitans* #3: (Без)Умное искусство. – М.: Книжное обозрение, 2007. С.66-95. Позже напечатано в: *Бибихин В.В.* Слово и событие. Писатель и литература. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. С.288-314.

Способы говорить о Бибихине (проблемы рубрикации творческого наследия...)

цитирующего действие, а сам цитируемый автор остаётся *проходным*, побочным.

В случае обращения Бибихина к тем или иным текстам (Аристотеля, Фрейда, Хайдеггера, Паламы, Седаковой, Ахутина, Гейзенберга...) можно наблюдать совершенно иную картину. Зачастую автор, к которому в ходе лекции обращается Бибихин, в самом деле ослабляет нарождающуюся правоту лектора. Иногда создаётся впечатление, что Бибихин намеренно, чуть ли не бессознательно, забегая вперёд, в интенции, ставит себе на пути фигуру такого автора, который собьёт его с наметившейся удачной колеи рассуждения (пожалуй, один из самых потрясающих примеров подобного сбоя представляет собой курс “Собственность”). Начиная всегда с признания “пустых рук”, Бибихин будто бы желает – уже в ходе “захвата” – избавиться от набирающегося, начинающего диктовать ту или иную методичность, мышления. И как раз для этих целей выбирает себе собеседника. Чаще всего выбор этот неожиданен, и, на первый взгляд, вообще неуместен.

Но, как раз этот самый неожиданный и неуместный контекст обращения к другому (к другу¹) столь же неожиданно оборачивается обнаружением такого же контекста у того, к кому Бибихин обращается. В такой ситуации Аристотель, например, вполне может включиться в обсуждение энергетического кризиса современности, а Пушкин рассказать о последствиях приватизации. Таким образом, со стороны здесь намеренно нарушается негласная привычка академических обращений, которые традиционно достаточно чётко рубрицированы – по проблеме, по школе, по учебнику, по персоналиям и т.д. То, что на первый взгляд кажется ослаблением собственной позиции лектора (также нарушающим практику цитирования), уже скоро сказывается обогащением того, к кому лектор обращается. Мыслители прошлого и настоящего, таким образом, не “занимались определёнными проблемами, ограничиваясь ими” (и, якобы поэтому мы должны к ним обращаться лишь по мере занятия теми же проблемами), но продолжают присутствовать среди нас, гибко трансформируя своё мышление вместе с нашим.

¹ По поводу темы дружбы в близком для Бибихина сообществе его друзей, см. книгу: *Федье Ф. Голос друга.* – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2010, в переводе (и с замечательными предваряющими “Заметками переводчика”) Ольги Седаковой.

Для практики академических обращений, настроенных довольно “прогрессистским” образом по модели “накопления знаний” (Платон преодолевается Аристотелем, сегодняшний учёный, занятый Ницше, преодолел Ницше – и т.д.), подобное введение других в свой контекст, а также обнаружение своего контекста у этих других, выступает своего рода подрывной деятельностью, намеренным обнищанием любых мыслимых “достижений”. Сама по себе эта проблема заслуживает отдельного исследования, но мы сейчас хотели бы остановиться на некоторых её характерных чертах.

Бибихин не столько цитирует автора, чтобы подтвердить свою правоту, сколько приглашает его – для самоостановки: цитируемый автор *ослабляет* позицию Бибихина (возвращая его к ситуации “нищеты”), представляя *непроходимым* соучастником в деле мысли. Можно сказать, что такие характеристики чаще всего присущи *живому присутствию* реального собеседника (если бы Платон присутствовал на защитах курсовых работ по собственной же “философии”, то вряд ли бы последние защищались с такой лёгкостью и равнодушием). Но как раз подобное обращение к отсутствующему в аудитории древнему (или современному) автору, выполняющееся со всей тщательностью условий живого уважительного присутствия, неожиданным образом (платоновское “*вдруг*”) трансформирует не только предмет рассмотрения, но и весь контекст последнего.

В принятой академической среде эти переключения (“смены аспекта”) как раз и выглядят как сказывание бессистемности, нестрогости и т.д. Но в этих условиях возникает такое обилие возможных рассмотрений темы, раскрывается такой веер её горизонтов, которые будут неожиданны не только для слушателей, но и для Бибихина, и для тех, кого он таким образом “пригласил”. Как и в живой дружеской беседе, при подобном рассмотрении отсутствует намеренно задаваемая самим рассматривающим единая линия рассуждения, лишь для видимости плюрализма ссылающаяся на других мыслителей. Неожиданные Пушкин или Аристотель, оказавшись привлечёнными к беседе, не останутся теми Пушкиным и Аристотелем, которых мы – из других, привнесённых извне контекстов, “уже знаем”. Они и в самом деле будут живыми, то есть – непредсказуемыми, несмотря на наличие “сложившихся и знакомых нам текстов”, как раз благодаря этим

Способы говорить о Бибихине (проблемы рубрикации творческого наследия...)

текстам¹. В этой установке – сама возможность пригласить автора как живого собеседника, ослабляющего и непроходимого, могущего мыслить о захватывающих вещах: “...в тексте Платон, событие Платона, мысль Платона включает все те приращения, переращения, превращения, которые с ней случились *и которые она в себе держала, несла с самого начала*, в том числе событие Платона *включает и то, что с нами происходит*, когда мы читаем Платона, – утрируя, можно сказать, что Платон и нас запрограммировал таких, имеющих «собственные мысли» по поводу его сочинений и выражающих эти наши собственные мысли в наших собственных сочинениях”².

Можно сказать, что в самом начале лекционного курса, когда слушатели (студенты и просто заинтересованные) видят только лектора, Владимира Вениаминовича Бибихина, в ней присутствуют ещё – пока незримо, до поры до времени, но они обязательно прервут и вмешаются, – мыслители прошлого и настоящего, они скажут своё слово в неожиданный для всех момент, и для них самих это слово будет неожиданным.

Если попробовать с этой позиции рассмотреть возможное “хайдеггерианство” Бибихина, то тогда безусловно справедливым будет также называть его паламистом (исихастом?), аристотеликом (перипатетиком?), разановцем, соловьёвцем, парменидианцем, ницшеанцем, витгенштейнианцем, и даже фрейдистом (список можно продолжать). В этой связи мало что даст также именной указатель бибихинских обращений, а точнее: он был бы полезен в том случае, если бы при обращении к нему мы как раз бы учитывали специфику бибихинского обращения к этим именам.

Фигура Хайдеггера в таком случае может быть рассмотрена с этих же позиций – как ослабляющего, непроходимого, неожиданного и живо присутствующего в обсуждении “наших” проблем собеседника. Возможно, отличие фигуры Хайдеггера от всех остальных сводится к тому, что в своё время (это – лишь робкая гипотеза) именно он послужил тем, кто помог Бибихину отстраниться от лингвистических штудий, и, кроме того, тот, кто потребовал максимальных усилий для собственного перевода

¹ В курсе “Чтение философии” Бибихин специально, в самом начале, рассматривает прагматику хранения текста: “...за филологической гиперкорректностью исследователей и публикаторов философских текстов часто стоит вот это, отчаяние, что *всё равно* неуловимое, неостановимое расползание источника мысли *будет*, и надо во что бы то ни стало источник защитить, сохранить” (Бибихин В.В. Чтение философии. – СПб.: Наука, 2009. С.9-10, курсив Бибихина).

² Бибихин В.В. Чтение философии. С.8-9, курсив Бибихина.

(приведших, в итоге, к реальному знакомству с людьми, занятыми тем же делом – с Жаком Деррида и Франсуа Федье; разобщение с первым произошло всё по тому же делу¹).

Но, в любом случае, все эти преимущества и предпочтения Хайдеггера другим обращениям, следовало бы рассматривать через эти, отмеченные нами, черты. В таком случае, мы бы увидели не только особость Хайдеггера, но и особость Бибихина, а также, что важнее, тот способ следовать делу мысли, который *между ними* устанавливается (Хайдеггер начинает присутствовать в мысли Бибихина по поводу *дела мышления*, а не потому, что Бибихин – “хайдеггерианец”).

(Ещё чрезвычайно важным моментом, имеющим решающее значение в случае творчества именно Бибихина, является присутствие в его работах и лекциях фигур умолчания. Здесь имеются в виду не те авторы, к которым он не обращается в данный момент, но к которым мог бы – в силу знания – обратиться; скорее, здесь идёт речь о наличии намеренных *фигур умолчания*, очевидным образом в диалоге находящихся, но ничего при этом не говорящих. В рамках гипотезы можно было бы предложить два наблюдения на этот счёт. Во-первых, таковые фигуры могут выполнять несколько ролей: например, “ранний” Бибихин мало говорит о Хайдеггере – и, при этом, Хайдеггер очень многообразно “сказывается” (и тогда речь идёт о *фигуре помощника*), в то время как “поздний” Бибихин делает Хайдеггера (и Аристотеля) лишь одними из персонажей своих лекций и работ². Другая возможная

¹ Ср.: “Защита обезьяны против Хайдеггера, против невежества в зоологии, справедливо отмеченного – априори справедливо, Хайдеггер не зоолог – Жаком Деррида, была сразу конечно замечена в Париже: Хайдеггер не протянул братскую руку дружбы обезьяне, а Деррида протянул. Париж такой” (*Бибихин В.В. Деррида читает Хайдеггера // Деррида Ж. Позиции. – М.: Академический проект, 2007. С.157*). Проблема чтения одним философом другого – вот подлинная проблема: “Маркс помог Гегелю выправиться из необычного положения на голове и вернуться к удобному стоянию на ногах. Все черты, о которых я говорил выше, черты потоптания жеребёнком родившей его кобылы, которые Платон заметил у Аристотеля и которые повторились и у других носителей философской традиции, я назвал троих, все эти черты у Жака Деррида в отношении к Хайдеггеру есть, и это как будто бы должно успокаивать; но у него же есть черты чтения именно того рода, каким Маркс читал Гегеля: рядом с защитой учителя перестановка его с головы на прочные и на всем понятные ноги: национальность, языковая стратегия, секс” (Там же, С.154-155).

² Данная гипотеза, но применительно к творчеству самого Хайдеггера высказана нами ранее в: *Богатов М.А. Два Аристотеля в пределах мысли Хайдеггера // Рабочие материалы конференции “Мартин Хайдеггер и философская традиция:*

Способы говорить о Бибихине (проблемы рубрикации творческого наследия...)

роль – умолчание по поводу того или иного предмета, может быть проиллюстрировано кричащим отсутствием Бахтина с его концепцией “события” даже в тех случаях, где он был бы уместен (и тогда речь идёт о *фигуре оппонента*). Кроме того, можно было бы выделить – подобно тому, как это делает Платон в своих диалогах, вводя матёрых персонажей, но не давая им слова – *фигуру судьи*, того, перед лицом которого, даже если он ничего и не говорит, сами слова приобретают другое, более весомое значение. Во-вторых, в этой связи можно было бы исследовать то самое значимое виртуальное сообщество друзей Бибихина, а также изменения в нём – в зависимости от периода творчества (пополнение, уменьшение, перераспределение значимости и т.д.), которое позволило бы говорить об определённом *настроении самого философствования Бибихина*, а также *его собственной захваченности работой мысли*¹.

Такого рода исследование могло бы внести иные, по отношению к господствующей ныне монологической манере обращения с наследием, способы философов мыслить и говорить о философах. То есть речь идёт, опять же, о понимании нами нашего собственного положения. Бибихин начинает одно из своих выступлений 1999 г., так и названное – “Наше положение” – следующими словами: “Я не вижу другой возможности улучшить наше положение чем расширение личных встреч между людьми разных жизненных миров всеми приличными средствами, лишь бы удалось не соскальзывать на общие места и пустые фразы”².

повторение vs. демонтаж”. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2012. С.44-52.

¹ Сконцентрировавшись лишь на некоторых – и то крупных – штрихах творческого наследия Владимира Бибихина, мы, понятное дело, не говорим о само собой напрашивающихся исследованиях, которые позволили бы академической среде вовлечь исследования Бибихина во вполне привычное русло, в которых речь шла бы о месте Бибихина среди советских и российских философов его времени, сравнении его с фигурами того времени, а также изменении тем его философствования по мере приобщения или отдаления от тех или иных официальных образовательно-научных институций. Опыт подсказывает, что о такого рода исследованиях даже не стоит особо упоминать, поскольку – рано или поздно – они не заставят себя ждать и непременно появятся. И произойдёт это в тот самый момент, когда сама невозможность говорить о Бибихине войдёт в кричащее противоречие с невозможностью больше этого не делать. Учитывая консервативность интеллектуальной среды, а также требуемое время для формулирования ею собственных задач, стоит ожидать “автоматического” появления подобных исследований уже в ближайшие лет 10-15.

² *Бибихин В.В.* Наше положение // Наше положение: Образы настоящего. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2000. С.81.

ДАРЫ ВЛАДИМИРА БИБИХИНА

Тема номера – “судьба творческого наследия” - предложенная редакцией журнала “Res cogitas” с необходимостью ставит вопрос о “органике / механике” наследования чего – либо (текстов, идей) / кому - либо, о неисповедимых путях преемственности, об основаниях, формах, пределах интерпретации, аутентичность понимания и т.д.

В контексте социально-философской концепции интерпретации, можно сказать, что цель последней не во вхождении в смысл, а в прохождении между смыслами. Не во вхождении в текст, а построение онтогенеза, где интерпретирующий создает сферу между текстом и контекстом, текстом и гипертекстом, позволяющим ему пройти через ловушки текстов и чужих смыслов, зовущих его воплощать свои идеалы.

Дж. Ваттимо, опираясь на социально-исторический опыт бытия интерпретационных практик в глобализирующемся мире, отмечает, что “интерпретация – это не способ свести другого к себе в ходе присвоения, кульминацией которого должна стать однозначная истина, смысл встречи с Другим, скорее в смещении, изменяющем обоих участников, но не помещающем их в единый горизонт”¹.

Все творчество Владимира Вениаминовича Бибикина, на наш взгляд, это как раз подвижничество в деле интерпретации в духе Д. Ваттимо. Сегодня читая его тексты лекций – “Другое начало”, “Узнай себя”, “Мир”, “Собственность”, “Лес”, “Чтение философии”, “Энергия”, “Новый Ренессанс” (другие работы, изданные в серии “Слово о сущем”) мы сталкиваемся, фактически с дарами, в которых бьется его живая мысль, дан его подход к со-бытию мира.

Не иначе как царским даром для российского гуманитарного сообщества выступают его переводы Дионисия Ареопагита, св. Григория Паламы, Н. Кузанского, М. Хайдеггера, Л. Витгенштейна, Х. Арендт, Ф. Федье.

Самым большим даром В. Бибикина выступает его жизнь как подвижничество в деле продвижения смысла / смыслов культуры, истории, свободы, дружбы; свидетельство о бытии как школе *другого начала*. Отлично понимая, что творческое наследие В.В. Бибикина еще только в самом начале своего изучения и

¹ Ваттимо Дж. О Вавилонской башне. – Вопросы философии, 2006, №6. – С. 69.

осмысления в данной статье, обращусь к темам, носящим для меня экзистенциальный характер; к темам соприкосновение с которыми давали выход в просвет бытия. Их немного – амехания, Россия, понимание.

Школа амехании. Бытие как со – бытие раскрывает перед нами свое пространство, множественность, насыщенность. Со – бытие настолько обширно, что от созерцания его глубины, истоков, богатых возможностями, энергией, что невольно оказываешься в амехании, которая, как считал В. В. Бибихин (вслед за А.В. Ахутиным), дает человеку прикоснуться к самому началу вещей. “В амехании человек не может, он не может. безусловно, и в амехании впервые он не делает, не он делает, не он утраивает то, что делает – странные речи, странные поступки: он и не от, через него, не только он”¹.

Более того, “амехания не для принятия самовольных мер, она, однажды открывшись, во что бы то ни стало не должна уже закрываться, она единственное, что способно хранить существо человека”².

В целом концепт амехании, описание данного *со- стоя - ния* человека мы будем встречать у В. В. Бибихина повсеместно. Переживание состояния амехании – это атрибут каждого стоявшего в просвете бытия философа. Состояние, которое носит онтологический характер и складывается в структуры экзистенции. В историко-философских изысканиях В.В. Бибихин стремится найти и показать нам как событие впадения в амеханию, так и способ ее хранения, философской работы с ней. Амеханией отмечены все бибихинские герои мысли Гераклит, Парменид, Сократ, М. Хайдеггер, Л. Витгенштейн, В.В. Розанов, Л. Толстой, А. Лосев и т. д.

Феномен амехании для В.В. Бибихина и основание мировоззрения, мировосприятие каждого субъекта истории – личности, народа, элиты. Именно в амехании он видит смысл русского нигилизма, отталкиваясь от нее выводит закон русской истории, русского отношения к праву, собственности / хозяйству, природе, себе и другому / Другому. Например, “проблема с Обломовым не в том, чтобы научить его предпринимательству, он образованный и умный человек, а в том, чтобы его *соблазнить*, втянуть в активность. Активисты, активные больше *самим себе* доказывают и разогревают для неостановимой активности –

¹ Бибихин В.В. Чтение философии. – СПб.: Наука, 2009. – С. 422.

² Там же, С. 423.

потому, что знают в себе неопределенную неактивность, неготовность постоянно, непрестанно и во всем действовать”¹.

Состояние амехании подсказывает, что активизмом человек, каждый из нас, не может обеспечить себе бытия. Амехания человека не может быть преодолена, и в силу этого он становится местом решения о *нет* и *есть*, о небытии и бытии. И в этом случае, все оказывается во власти *разрешающего* слова. Без него мы ощущаем недолжность, неуместность усилия. Усилие без смысла порождает *насилие*, оказывается метафизическим срывом (обломом, обрывом), грозящим потерей личностной формы бытия или в случае с коллективным субъектом / народом опытом исторического крушения (революцией, реформой, кампанейщиной). В силу этого амехания дает “редкий опыт” предстояния перед бытием, мужества быть, радости открытия бытия в обыденном / в повседневности, из которой уже изгнаны боги / Бог.

Амехания – открывает *ход* мысли, истории; производит *смену аспекта*; размыкает место в сущем для человека как вести / сознания. Например, В.В. Бибихин убежден, что “заслуга Парменида не в том, что он «ввел» в философию понятие бытия, а в том, что он узнал, в смысле распознал, какой оборот принялодело, и этот шаг решительно сделал. Миф хода, т.е. философия, - если хотите, *сон* о новом шаге, или пути человека, - только инкрустация, эпизод, описание, название того, как скажется, как даст о себе знать в *изменении мифа*, появлении философского мифа, этот исторический поворот, оборот дела”².

Событие амехании также показывает, что из нее вытекает множество альтернатив, ибо “в началах часто больше размаха, чем в продолжениях”³. Дело альтернативы – это дело человека как существа экстатизирующего, не сводящегося к самому себе, к живущему возникновением, творением. Однако, исток творения в беспомощности амехании, в *у – держании* состояния амехании. Апории Зенона – блеклая тень, свидетельствование о месте амехании.

Итак, дело человека – **стояние** – “достаточно только стоять и не падать – не падать как будто достаточно”⁴. Дело философии / философа – стояние. Дело России – стояние, у-держание, она

¹ Там же, С. 447.

² Там же, С. 460.

³ Там же, С. 467.

⁴ Там же, С. 508.

КАТЕХОН, как некогда была Византия. В стоянии (стойкости, верности) важна тождественность / идентичность или мысль, которая “сияет, высвечивает, говорит”, является, выступает, утверждает, правит, сообщает, объединяет. “Событие мысли остается событием и тогда, когда его никто не понял, когда все истолкования неверны.она рассчитана так, что вместит и миллиардные толпы, которые ее не растопчат, или растопчат только *для себя*, так сказать, а само философское слово не боится извращения, *событие тем больше*, чем больше в нем, и чем более разных, участников”¹.

Со - бытие бытия усматриваемое философией, как показывает В.В. Бибихин не сводится к созданию текстов о бытии. Вся философия – это школа пробуждения, школа бодрствования, школа трезвения, школа со-бытия. “Событие собирает, делает простым, целым человеческое существо: человек вокруг события, имеет столько смысла, сколько событие, в котором он участвует, которое он и есть”².

Философия – это всегда наш ход в пространство – время, топос со – бытия, где мы и можем *состояться* в качестве человека / личностей или *начал бытия*, причем мир и история настолько полны и обширны, что наше понимание и стратегия жизни рискует провалиться в бездонность мира без опыта со- бытия, без напряжения рождаемого дугой “бытие – мысль”. Другое дело, что мы – люди не можем удержаться долго в этом “поле” стояния. Мы хотим принимать меры, мы хотим активизма, и тем самым превращаем мысль в расчет, редуцируем со – бытие до сущего³. Таким образом, показывает В.В. Бибихин, мы превращаем мир в ристалище, в поле захвата и захваченности, насилия, отчуждения.

Исцелением от захваченности миром, собой будет вопрошание о событии мира: “отрезвление от слепой борьбы за собственность возвращает в школу софии. Никаких шансов встретить свое по сю сторону порога этой школы, в которую поступают на всю жизнь, у нас нет. Общество не встраивается, как популяция, в мировое окружение, выбирая в нем себе нишу; оно, с самого начала берет на себя проблему целого. О целом человек знает мало. Наука незнания, умение оставить мир в *покое* требуются искусством жизни”.

¹ Там же, С. 32.

² Там же, С. 40.

³ Бибихин В.В. *Собственность*. – СПб.: Наука, 2012. – С. 381.

Альтернативой захваченности выступает у В.В. Бибихина, по меткому замечанию О.А. Седаковой – успех, “которому направлен мир, которого ищет природа: успех как исполнение задания, попадания в свое место в мире и свое время. Место человека, узнающего себя”¹.

Тема России / тема истории насколько это явствует из текстов В.В. Бибихина была для него ключевой, неразрывно связанной с концептами “мира”, “бытия”, “со-бытия”, “смысла”.

Россия, российская история, история христианства, история рода человеческого – это конкретика и топос мысли Владимира Вениаминовича. Итак, мы находим, что “история начинается и существует в меру человеческой собранности, или соборности”². Собранность как единство смысла, единство со- бытия, которое предполагает множественность без тотальности, унификации. Собранность означает видение / предстояние перед предельным. Это закон всемирной истории, которая знает ранее или позднее включение в со- бытие предстояния. В.В. Бибихин в самом начале статьи “Закон русской истории” предостерегает нас от схематичного “славянофильство – западничество” *от – объяснения* реформ Петра I как подтягивание отсталой страны Европу до уровня передовых. Он утверждает, что так называемые “передовые страны” – “пространства ранней дисциплины, дальней подготовки к неизбежной встрече с предельным, а отсталые - поздней дисциплины жесткого отрезвления после такой встречи. Предельное, будь то молния или война, не такого рода, чтобы к нему можно было в принципе подготовиться. Всякая встреча здесь все равно шок”. Ойген Розеншток – Хюсси в – один из оригинальных мыслителей XX в. подтверждает эту интуицию В. Бибихина. Уже с XI века Европа захвачена революцией³.

Россия XVII в. – Россия Алексея Михайловича, Федора Алексеевича и Софьи Алексеевны, безусловно, знала предельное как предстояние перед Богом и двигалась, в целом, в рамках разделения человеческого и божественных порядков, т.е. западноевропейской, ранней дисциплины и школы обращения с предельным / с со- бытием мира. В.В. Бибихин обращает наше внимание, что “монастырь, молитвенное стояние были

¹ Седакова О.А. *Moralia*. – Том IV. - М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. – С. 815.

² Бибихин В.В. *Другое начало*. – СПб.: Наука, 2003. – С. 7

³ См: *Розеншток – Хюсси О. Великие революции. Автобиография западного человека*. – М.: Изд-во ББК им. ап. Андрея. – 2002. – 645 с.

предстоянием Великому, что *требует себе всего человека* (выд. – О.Д.А) и быть к чему всегда как можно ближе значит приобщиться к порядку мира, к софии. Готовность к выстаиванию долгой монастырской службы тут похоже на ожидание милости от всеправителя. На все время ожидания человек оставлен своему человеческому смертному существу, медленно движущегося путем постепенного перемещения, не *жестом молнии* во всяком случае”¹.

Однако Петр и люди его поколения (Иван Посошков) отошли от дисциплины “различения духов”, различения человеческого и божественных порядков. “Реформы Петра были политической диктатурой, церковно – срыв тихой русской реформации XVII в. в пользу государственной религии”. Именно осознание человеческой малости / ущербности перед предельным, без дисциплины трансценденции² дает санкции на крайние властные меры Петру: “до всяких директив человек тут вызван, вынужден на подвиг, до гибели или исполни”. Фактически Петр вместо реформ выбирает революцию, выбирает *молнию* как стиль мышления и жизни, не только для себя, но и для страны, превращая тем самым *молнию* в закон русской истории. Захваченность молнией не дает “учредить на человеческом уровне школу приготовления к встрече с другой, божественной правдой”³.

Своим метафизическим поворотом от трансценденции к Богу к трансценденции к Власти Петр “надолго отвадил охоту к попыткам интегрировать Россию в Европу”. Пониманием ущербности, онтологической недостаточности, созданной петровскими реформами / молниями российской социальности живет русская философия, начиная с П. Я. Чаадаева. По В. Бибихину коренное отличие реформ от революций состоит в том, что первые опираются на различие человеческого и божественного порядков, на знание *оснований и пределов* человеческого действия. Наше неперемное сетование на незавершенность реформ в России свидетельствует о том, что мы называем реформами (от Петра до современности) революции / молнии, которые не могут достигнуть, разумеется, своей исходной трансцендентальной силы (высоты, глубины). Осознание духовного срыва, метафизической подмены

¹ Бибихин В.В. Другое начало. – СПб.: Наука, 2003. – С. 20.

² В статье “Попытка взаимопонимания” В.В. Бибихин пишет, что “прямое обращение к трансценденции, минуя реалии общества и права, открыто опасностям иллюзии и самовнушения”. Бибихин В.В. Другое начало. – СПб.: Наука, 2003. – С. 396.

³ Бибихин В.В. Другое начало. – СПб.: Наука, 2003. – С. 23.

Петром культуры /дисциплины предстояния становится для В.В. Бибихина ключом к *пониманию* русской / российской истории, трагедии русского мира / общества в XVIII – XXI вв. Тема понимания, как видим в российском контексте, проблема не сколько логико-методологическая и когнитивно – гносеологическая, а онтологическая уже с П.Я. Чаадаева, особенно К.Н. Леонтьева, В.В. Розанова. Онтологическая *до и вне* М. Хайдеггера.

Понимание тесно связано с мужеством истины (М. Фуко), с преодолением косности истории, выходом на уровень свободы. Тема понимания – это тема истины и свободы, любви. Действительно, “свобода есть воистину другой лик любви. Подобно любви, она, отрицая глумление и насилие, почти бесцельна и бескорыстна, или – по словам подлинного апостола, апостола Павла – «не ищет своего» (1 Кор 13:5). А если и «ищет», то прежде всего ищет не каких – то внешних целей, но нас с вами. Иными словами – человека в каждом из нас”¹. Е.Б. Рашковский – один из глубоких мыслителей нашего времени – призывает нас не путать тягу к освобождению и тягу к свободе, которые в истории сплетены, но “духовно они принадлежат разным планам Бытия. И не случайно же учили мудрецы Древнего Израиля: «не спутай кинжал (*харут*) со свободой (*херут*)» (Талмуд, Пиркей Авот 6:2). «Освобождение» – «борется» (обязательно с кем-то), свобода - *взыскует*. И взыскует прежде всего – самого тебя. Она не узурпируется ни «справа», ни «слева», ни революционностью, ни консерватизмом, ни коллективом, ни индивидуумом. Но она имеет свойство пронизать собою мгновение и Вечность, внутренний опыт личности и долговременные потоки мысли, культуры и человеческих отношений. Ей более свойственно отдавать, нежели брать. Она всегда недосказана, но без нее и «социокультурная эволюция» теряет всякий смысл, превращаясь лишь в санкцию опустошения и смерти. Свобода же, соотносящая человеческие миры с Богом и бессмертием – если вспомнить слова Евангелия от Марка – *осоляет* историю (Мк 9:49). Другими словами, не подвластная никому из земнородных, она принадлежит всем”².

Понимание по В.К. Кантору - это форма хранения мышления от “словесного пьянства”, форма духовного трезвения / бодрости. В противном случае, “невегласие”, бездумность будет основанием для

¹ Рашковский Е.Б. “Освобождение” и свобода. – Вопросы философии, №12, 2012. – С. 43.

² Там же.

полярности не сколько и не столько мышления, но и жизни. Например, дело литературы – “*духовное собрание* человека, попытка разгадать тайну человека, загадку его судьбы – опираясь на вечные критерии Свободы, Истины, Добра и Красоты”¹.

В завершение статьи, посвященной некоторым вопросам осмысления творческого наследования идей философа, богослова и переводчика В. В. Бибихина хочу выразить надежду, что круг нашего памятования о Владимире Вениаминовиче будет расширяться. Речь идет как о прямом *поминовении* в рамках молитвы, так и памяти как личностной духовной практики благодарности за Дар / дары приобщения к его мысли, а через него и сообщения с Другими философами его / нашего герменевтического круга, круга смысла / бытия.

¹ Кантор В.К. Русская классика, или Бытие России. – М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. – С. 23, С. 14.